

Неравносторонний треугольник?: Кемалистская Турция, фашистская Италия и сталинский СССР в призме сравнительного анализа

Plaggenborg St. Ordnung und Gewalt: Kemalismus – Faschismus – Sozialismus.
München: Oldenbourg Verlag, 2012¹

Аннотация: в статье рассматривается монография проф. Шт. Плаггенборга, посвященная сравнению фашистской Италии, кемалистской Турции и большевистской России (СССР) в межвоенный период. Рецензентом раскрывается методология и структура работы, при выделении научной новизны сравнительного подхода в рамках предложенного треугольника стран представлена детальная критика отдельных тезисов. Положительно оценено исследование взгляда трех стран друг на друга, вовлечение в научный оборот трудов ряда аналитиков, таких как малоизвестных на Западе советских тюркологов. Подчеркивается аккуратность и уместность сопоставительного анализа предпосылок возникновения трех режимов, предыстории новых правящих элит, репрезентации власти, развития аппарата насилия, отношений между государством и религией. Менее убедительным представляется очерк послевоенной истории Италии, Турции и СССР, критике подвергнуто недостаточное внимание, которое было уделено развитию экономики трех стран, и оставление за рамками исследования их международного положения, что нанесло ущерб комплексности анализа. В целом монография оценена как открывающая значительные перспективы сравнительных исследований в обновленном междисциплинарном формате, подчеркнута ее научная актуальность и значительный интерес предлагаемого подхода и его результатов для профессионального сообщества.

Ключевые слова: история, СССР, Италия, Турция, фашизм, кемализм, большевизм, социализм, диктатура, историческая компаративистика.

Книга профессора Бохумского университета (ФРГ) Штефана Плаггенборга, известного своими исследованиями по истории Советского Союза в период сталинизма, представляет собой сравнительный анализ трех режимов, альтернативных либеральным западным демократиям – большевистской России, фашистской Италии и кемалистской Турции.⁶⁴

Сама постановка вопроса является новаторской: история «в форме треугольника» (с. 11) выходит за рамки традиционных сопоставлений германского, итальянского и советского тоталитаризма. Вовлечение турецкого государства в сопоставительную схему одновременно преодолевает грани-

цы традиционных компаративистских исследований, что было ранее обусловлено и дисциплинарными ограничениями, и латентным исключением Турции из круга европейских государств. С другой стороны, временные рамки исследования определили выведение из его проблематики германского национал-социализма, динамика развития которого существенно отличалась; впрочем, автор не ставил перед собой задачи сравнить все антидемократические режимы межвоенной Европы. Критика теории тоталитаризма (с. 28-29) в этом смысле является логичным затактом к рассмотрению основной темы. Более того, вопросам сопоставления столь разных с географической, культурно-исторической и политической точки зрения стран было уделено значительное внимание с позиции теоре-

¹ Плаггенборг Шт. Порядок и насилие: кемализм – фашизм – социализм. Мюнхен: Ольденбург Ферлаг, 2012.

тической рефлексии: Плаггенборг настаивает, что целью сравнения не может являться отождествление (с. 25-28), что дает историку возможность рассматривать и кажущиеся на первый взгляд необычными пары – и даже треугольники – государств.

Первая глава – «Отдаленные родственники» – представляет собой сравнение возникновения и основных черт трех режимов, причем особое внимание автор уделяет рефлексии современников о происходивших в России, Турции и Италии событиях, взгляду интеллигенции трех стран друг на друга. Наиболее интересно то, что Плаггенборг приложил значительные усилия, чтобы ввести в западный дискурс русскоязычную традицию исследований по современной Турции, безусловно малоизвестную в Германии (с. 50-56). Одновременно автором отслеживается турецкая дискуссия о соотношении коммунизма и кемализма и ставшее ее очевидным результатом ограничение турецкой интеллектуальной элиты от большевистского режима. Вместе с тем смещение центра тяжести в сторону отдельных представителей политической мысли и историографии приводит к нарушению баланса между различными перспективами – их представление отличается как по объему и детализированности, так и по научной новизне.

Вторая глава – «Три пути к диктатуре» – в соответствии в принципами историзма посвящена исходным условиям возникновения антидемократических альтернатив на примере Османской империи и кемализма, Российской империи и большевизма, Итальянского королевства и фашизма с акцентом на проблемы возникновения нации и национализма в трех странах. Автор справедливо указывает на своеобразие ситуации в этих государствах: если в Османской империи национализм использовался в первую очередь сепаратистскими движениями христианских меньшинств, лишь с запозданием затронув фактически государствообразующий этнос империи – турков, – то в России при наличии напряженности в национальных окраинах великорусы не оформились как нация, обнаружив преобладание классового вопроса над национальным. Наконец Италия вступила в XX век как «неготовая» нация, формирование которой осуществлялось силами единого, в том числе и фашистского государства. Общей характеристикой стало наличие значительных проблем, осложнявших существование национального организма. В то же время коренное отличие российской и османской многонациональных империй от итальянского государства, ставшего плодом разрушавшей старые многоэтничные конгломераты идео-

логии национализма, было существенно недооценено автором.

В третьей главе – «Новые режимы и порядки» – рассматривается вопрос происхождения и корней элит России (СССР), Турции и Италии в Первой мировой войне, сущности правящих партий в этих странах и политической истории Турции в 1920-30-е годы. Осью этой главы является тезис о гражданской войне, имевшей место в той или иной форме во всех трех странах и ставшей фундаментом новых политических режимов. Если гражданская война в России, как подчеркивает Плаггенборг, не имела аналогов по масштабу насилия (основному понятию в характеристике большевистско-сталинистского режима в СССР), то череда войн 1912-22 гг. в Турции также завершилась войной гражданской, доказательством чему служит и кратковременное противостояние между войсками халифа и кемалистскими повстанцами, и ведение кровавой войны с Грецией и Арменией силами нерегулярных соединений.

Важным положением является отсутствие в Турции массовой партии подобно ВКП(б) в СССР или ПНФ в Италии (с. 124): кемалистская партия (РНП) растет с опозданием. Параллельная периодизация режимов (консолидация до 1924 г., твердая монополия на власть в 1924-29 гг, репрессивная зрелая стадия 1930-х гг.) сочетается и с другими сюжетами: формированием культа вождя, эскалацией насилия, сопоставлением этатизма и корпоративизма (с заметным исключением государства «социализма в одной стране» и экономических трансформаций СССР).

В четвертой главе («Великие мужи и культы вождей») автор рассматривает биографии Ататюрка, Ленина и Муссолини, а также трансляции образа вождя в массы. Помимо параллелизмов в жизненном пути трех будущих диктаторов (Первая мировая война, мотив «предательства» по отношению к халифу, императору или Социалистической партии, наличие узкого стабильного круга единомышленников) подчеркиваются и различия кадрового офицера армии старого режима Мустафы Кемалья-паши, журналиста и фронтовика Муссолини и политического эмигранта с безграничным революционным оптимизмом (с. 172-73) Ленина; в ходе повествования вынужденно возникает фигура Сталина и мотив поколения 1870-80-х годов, для которого основным формирующим событием стала мировая война.

Сопоставление культов вождей стало одним из самых интересных и противоречивых моментов монографии: образ удаленного владыки, вечного

лидера нации Ататюрка, театрализованная репрезентация личной власти Муссолини контрастируют с ситуацией в СССР, рано столкнувшимся с проблемой смертности лидера и смены первого лица в государстве. Однако позиция автора о мрачном «культе мертвых», сложившемся вокруг Ленина и наложившем отпечаток на беспрецедентное по своим масштабам уничтожение собственных граждан сталинизмом выглядит небесспорной; в любом случае, вписанная в концепцию «режима насилия» мысль о смерти и убийстве как имманентном свойстве большевизма-сталинизма, при затенении социальной риторики и структурных экономических преобразований в стране, выглядит очевидным преувеличением. В самом деле, трудно усмотреть прямую связь между Мавзолеем – даже в его функции репрезентации режима – и расстрелами 1930-х на основе присутствия в обоих случаях смерти.

Пятая глава («Динамика репрессии») сопоставляет условия формирования репрессивных механизмов в Италии, Турции и России в первые годы после Первой мировой войны и развития аппарата насилия как средства внутренней политики. Несопоставимость масштаба происходящих в СССР событий с относительно умеренным размахом насилия в Италии и Турции стала одним из ожидаемых тезисов главы, равно как и их корни в Гражданской войне в России, «релаксационных» войнах за независимость Турции и острых социальных конфликтах Италии «красного двухлетия». Важно то, что автор рассматривает жестокость итальянских колониальных войн как составную часть режима (с. 265) и справедливо подчеркивает значение кровавого подавления Дарданелльского восстания 1937-38 гг. (с. 254-58) в Турции – в третьей главе уже упоминалось известное курдское восстание шейха Саида 1924-25 гг. (с. 134), однако без комментариев по вопросу последовавших за ним репрессий против турецкой оппозиции, нашедших свое место в тексте только сейчас. Вместе с тем иные формы насилия, нежели убийство, прежде всего в фашистской Италии, по существу не нашли места на страницах книги (даже убийство Джакомо Маттеотти осталось при этом за кадром): банальные избиения сквадристами политических оппонентов в годы становления фашистской партии и уличные потасовки с социалистами все же играли немалую роль в формировании машины насилия фашистского режима.

Шестая глава – «Государство и религия» – занимает логичное место в рамках метода многостороннего анализа развития и функционирования трех политических режимов. Их взаимоотноше-

ния с господствующими религиями регулировались, как справедливо указывает автор, особенностями организации католической и православной церквей и мусульманского сообщества Турции. В первую очередь речь идет о строгой иерархии Русской Православной церкви, которая привела к организованному сопротивлению большевикам под руководством новоизбранного патриарха Тихона. Автор далек от идеализации сопротивления церкви новому государству, усматривая в заявлениях Тихона даже нотки антисемитизма (с. 307) и подчеркивая срастание старого имперского государственного и церковного аппарата при наличии у церкви значительных материальных привилегий.

В Италии Плаггенборг видит историю взаимоотношений католицизма и фашизма в контексте борьбы церкви и нации, итальянского государства, завершившейся Латеранскими соглашениями; в то же время католическая церковь не обвиняется в пособничестве фашизму – известный пример противостояния церковной молодежной организации «Azione cattolica» и фашистской «Balilla», правда, не противоречит констатации того факта, что критика фашизма и нацизма осталась «скрытой» в стенах Ватикана (с. 328). Отсутствие в Турции по очевидным причинам иерархически организованной церковной структуры привело к весьма удачной демонстрации автором динамики лаицизации турецкого общества и в особенности ее границ. Несмотря на то, что Плаггенборг строго придерживается рамок межвоенного периода, рассматривая случаи нашедшего широкий общественный отклик обращения ученица американской школы в христианство, актуальность этой проблемы едва ли нуждается в комментариях: ислам остался одной из основ самоидентификации турецкой нации, ее «синонимом» (с. 336).

Заключительная глава – «Три пути из диктатуры» – не просто подводит итог монографии, но показывает пост-историю фашистского, кемалистского и сталинистского режимов. «Отравленная» (с. 345) победа 1945 г., результатом которой стало не улучшение жизни советского народа, а укрепление позиций правящего режима, долгий путь Турции к многопартийной системе через два военных переворота и диктатуру, отторжение фашистского режима и предание этого прошлого (в том числе и преступлений) забвению, вытеснение фашизма из коллективной памяти в Италии стали основными тенденциями послевоенного развития трех стран. Кемалистская Турция межвоенного периода, предстающая в монографии в несколько более выгодном свете, чем Италия и СССР, все же дала и

ядовитые плоды: агрессивный турецкий национализм (границы влияния которого не уточняются) получил развитие в послевоенные годы, равно как и насилие в политической жизни страны.

Однако тот факт, что насилие стало одной из основных форм политической культуры в республиканской Италии, не нашел отражения на страницах книги: «Красные бригады», «свинцовые годы», политические убийства (Альдо Моро), наконец деятельность южнотирольского националистического сопротивления остались без внимания автора, равно как и такие противоречивые черты итальянской новейшей истории, как сочетание экономического чуда, постепенного сокращения пропасти между Севером и Югом и сохраняющейся коррупции и влияния криминала в обществе. Развитие Советского Союза после 1953 г. не упоминается вовсе, что оправдано формальными хронологическими рамками исследования, однако контрастирует с доведенными до наших дней итальянскими и турецкими зарисовками.

В целом сильной стороной исследования Ст. Плаггенборга является последовательное сравнение всей палитры проявлений трех режимов в приблизительно синхронных хронологических рамках. Это обусловило разнообразие поднятых в книге сюжетов и неуклонную линию на сопоставление динамики развития кемализма, фашизма и большевизма. С другой стороны, этот метод вынудил автора рассматривать лишь основные черты внутренней политики трех режимов, что в частности привело к заметной недооценке своеобразия экономической системы трех стран. Полностью за рамками исследования осталось международное и геополитическое положение рассматриваемых государств: а ведь если Итальянское королевство все же было официально признанной державой-победительницей, то турки были вынуждены с оружием

в руках отстаивать независимость своей страны, а Советская Россия после разгрома белых армий и иностранных интервентов должна была бороться за дипломатическое признание нового режима, находясь к тому же в крайне неблагоприятном политическом климате. Наконец, сама формулировка заглавия книги может вызвать определенную критику: если фашизм и кемализм в целом однозначно соотносятся с Италией и Турцией, то в понятие «социализм» могут войти разные партии, разные страны и разные политические платформы. Возможно, слово «большевизм» было бы терминологически более удачной заменой, обладая выраженным конкретно-историческим содержанием.

Сам выход за пределы традиционных сравнений Германии-Италии-СССР в рамках теории тоталитаризма следует признать безусловно плодотворным методологическим решением, а вовлечение в сравнение Турции – оказавшейся *неожиданно* очень европейским государством (см. с. 12-13) – безусловным успехом рецензируемой монографии. Вместе с тем калейдоскоп многочисленных событий и явлений создает ощущение поверхностного, не всегда нового и оригинального характера анализа, иногда небезосновательное, поскольку формат книги вынуждает автора быть достаточно кратким: безусловно, одна лишь тематика взаимоотношений государства и религии требует существенно более детального рассмотрения, как и десятки других проблем. И все же «транснациональный поворот» в современной мировой историографии имеет большое будущее. Преодоление привычных тоталитарных схем западно-центричного мышления дало ряд интересных параллелей, разработка которых могла бы не только расширить контекст истории межвоенной Европы, но и углубить понимание особенностей функционирования ее антидемократических режимов в межвоенную эпоху.